

Веч. Моск. 1988. 17 сент.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОСКОВСКИМ ПИСАТЕЛЯМ- КИНЕМАТОГРАФИСТАМ

Уважаемые товарищи!
29 декабря 1971 года Московский секретариат Союза писателей, действуя от вашего имени, исключил меня из членов Союза писателей. Через месяц секретариат Союза писателей РСФСР единогласно подтвердил это исключение. Еще некоторое время спустя я был исключен из Литфонда и, заглазно, из Союза кинематографистов.

Сразу же после первого моего исключения были приостановлены все начатые мои работы в кино и на телевидении, расторгнуты договоры, с фильмов, уже снятых при моем участии, вычеркнута моя фамилия. Таким образом, вполне еще, как принято говорить в юридических документах, дееспособный литератор, я осужден на литературную смерть — на молчание.

Разумеется, у меня есть выход: года эдак через два-три, написав без договора (еще бы) некое «выдающееся» произведение, добиться того, чтоб его кто-то прочел, и кто-то одобрил, и принял к постановке или печати, и тогда я снова войду в Дубовый зал (комнату № 8 СП), и меня встретят улыбками товарищи... (не хочу называть эти имена). Протянут мне руку, а потом меня восстановят в моих литературных правах.

Но беда в том, что упомянутые товарищи и я по-разному смотрим на литературное творчество и на понятие «выдающееся» произведение, и т. о., боюсь, сцена в Дубовом зале относится к области чистой научной фантастики.

Меня исключили втихомолку, исподтишка. Ни писатели, ни кинематографисты официально не были поставлены и не поставлены до сих пор об этом в известность. Поэтому-то я и пишу это письмо. Пишу его для того, чтобы прекратить сплетни, слухи, туманные советы и соболезнования. Меня исключили за мои песни, которые я не скры-

вал, которые пел открыто, пока все тот же секретариат не попросил меня перестать выступать публично.

Многие из вас слышали эти песни. За что же меня лишили возможности работать? Предлоги: выход моей книжки в некоем эмигрантском издании без моего ведома и согласия, к тому же с искаженными текстами и перевранной биографией, — факт, который особенно ставят мне в вину, упоминание моего имени заграничными радиостанциями, какой-то мифический протокол задержания милицией в некоем городе некоего молодого человека, который обменял или продавал некие мои пленки, которые он якобы сам с моего голоса записывал...

Это, разумеется, только предлоги. Предлогом является и мое номинальное избрание членом-корреспондентом Советского комитета защиты прав человека. Ни в уставе Союза писателей (старом и новом), ни в уставе Союза работников кинематографии, нигде не сказано, что советский литератор не имеет права принимать участие в работе организации, ставящей себе задачей легальную помощь органам правосудия и законности.

Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать белое за черное, не из стремления угодить кому-то. Я говорил о том, что болит у всех и у каждого, здесь, в нашей стране. Говорил открыто и резко. Что же мне теперь делать? В романе «Иметь или не иметь» умирающий Гарри Морген говорит: «...человек один не может». И все-таки я думаю, что человек, даже один, кое-что может, пока он жив, хотя бы продолжать делать свое дело.

Я жив. У меня отняли мои литературные права, но оставили обязанности — сочинять свои песни.

С уважением —
Александр ГАЛИЧ.

Последняя песня

За чужую печаль
и за чье-то незванное детство
нам воздастся огнем и мечом
и позором вранья,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.

Мы со сцены ушли,
но еще продолжается детство,
наши роли суфлер дочитает,
ухмылку тая,
возвращается вечером ветер
на круги своя,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду,
промотали чужое наследство,
жизнь подходит к концу,
и опять начинается детство,
пахнет мокрой травой
и махорочным дымом жилья,
продолжается детство без нас,
продолжается детство,
продолжается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.

Памяти

Б. Л. Пастернака

«...Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года на 71-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного».

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной — «Литературной газете», — сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на венки,
На полчаса погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские «письмэнники»
На поминки его постели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то, чтобы с чем-то за сорок,
Ровно семьдесят —
возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок,
Член Литфонда —
усопший сметный!

Ах, осыпалась лапы ёлочьи,
Отзвенели его метели...

До чего ж мы гордимся,
сволочи,
Что он умер в своей постели!



«Мело, мело, по всей земле,
во все пределы,
Свеча горела на столе,
свеча горела...».

Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача.
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!

И кто-то спьяну вопрошал:
«За что? Кого там?»
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!



«Гул затих. Я вышел
на подмостки.
Прислонясь к дверному
косяку...».

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры,
И несут почетный...
Ка-ра-ул!

Вечерние прогулки

(отрывок)

Бывали ль вы у Спаса-на-крови?
Там рядом сад с дорожками.
И кущи.
Не прогуляться ль нам
на сон грядущий
И поболтать о странностях
любви?

Смеркается.
Раздолье для котов.
Плывут косые тени по гардине,
И я вам каюсь, шепотом,
в гордыне,
Я черт-те в чем покаяться готов!

Пора сменить — уставших —
на кресте,
Пора надеть на свитер эпюлеты,
И хоть под старость выбиться
в поэты,
Чтоб ни словечка больше
в простоте!

Публикация А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ГАЛИЧ).

Допустим этак:
— Медленней, чем снег,
Плывет усталость —
каменная птица.
Как сладко всем в такую полночь
спится,
Не спит — в часах —
песочный человек.

О, этот вечно тающий песок,
Немолчный шелест времени
и страха.
О, Парка, Парка, сумрачная
прыха,
Повремени, помедли хоть часок!..

А ловко получается, шарман!
О, как же эти «О!»
подобны эху...

Но, черт возьми,
еще открыт шалман!
Вы видите, еще открыт шалман!
Давайте, милый друг,
Зайдем в шалман!
Бессмертье подождет,
ему не к спеку!..

Какая ночь! Как улицы тихи!
Двенадцать на часах Аэрофлота.
И кажется — дойдем
до поворота,
И потекут бессмертные стихи!

Без названия

...И благодарного народа
Он слышит голос: «Мы пришли
Сназать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!».

А. Ахматова. «Слова миру».
1950 г.

Ей страшно. И душно.
И хочется лечь.
Ей с каждой секундой ясней,
Что это не совесть,
а русская речь
Сегодня глумится над Ней!

И все-таки надо писать эпилог,
Хоть ломит от боли висок,
Хоть каждая строчка, и слово,
и слог
Скрипят на зубах, как песок.

...Скрипели слова,
как песок на зубах,
И вдруг — расплывались
в пятно.

Белели слова,
как предсмертных рубах
Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу
вели на расстрел
Над берегом белой реки.
И сын Ее вслед уходившим
смотрел
И ждал — этой самой строки!

Торчала строка,
как сухое жнивье
Шуршала опавшей листвою.
Но Ангел стоял за плечом у Н
И скорбно кивал головой.